

84 (2400-41000)
С-24

С любовью
к родному...

Д.П. Клёстов

САЛАИРСКИЕ РОДНИКИ

В добром теле серебряных руд,
В чистокровных его капиллярах
Освященные истово быют
И, струясь, фонтанируют яро.

Молодила живая вода,
Исцеляла, сердца будоража.
И паслись, и тучнели стада
На просторах альпийского кряжа.

Разномастно пестрели луга,
Обращаясь молочной рекою,
И бессмертный рожок пастуха
Звал буренок сюда, к водопою.

Что скорбеть о коровьей судьбе,
Изничтоженной в нашей округе?
Мне шагать неуютно в толпе
К родникам за поповской хоругвью.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь старая –
Старая дева,
Эмигрантка в родной стороне.
В забыты обветшавшее тело,
И душа в летаргическом сне.
Ты ль не дочь златоглавого Суздаля?
Не сестра ли церковей Покрова?
Раболепие лапотной удали
И невиданный взлет мастерства...
Вся краса твоя холодом скована
И распяты на белой груди.
И рудничный гудок, словно колокол,
Над землей Салаира гудит.

САЛАИР

Городок на крутых холмах,
На семи продувных ветрах,
Словно белый большой фрегат,
Поднялся над таежной чернью.
Алой зорькой копры горят
В зорьке утренней и вечерней.

В каждой сопке хранится миф
Невостпелых сибирских Фив.
Он судьбою своей сродни
Жизни славного Прометея.
Он в Кузбассе зажег огни,
Плавку первую он затеял.

Ты поведай, старинный тракт,
Буйство бедных, богатых страх.
Клокотавшая в жилах предков
Та ли удаль в моей крови?
А в глазах у моей соседки
Та ли нежность и жар любви?
Тракт старинный и глух, и нем,
Он бурьяном зарос совсем.
Ветер соснам шиньоны чешет –
Сказки те же, и люди те же.

БОЛЬШАЯ ТОЛМОВАЯ

Брожу, удивляюсь: фантазия чья?
Шамана,

шута,

скомороха? –

Серебряной нитке лесного ручья
Огромное имя отгрохать.

Знать, кто-то ценил драгоценный исток,
Мечом рассекающий горы.
В раскосых глазах его тек ручеек
До самого синего моря.
Сквозь призму его бескорыстной любви
И сквозь паутину сомнений,
Как в главную реку впадали ручьи
И реки других поколений.

Он не был провидцем, кто в этот родник
Как в реку большую поверил.
Но первая шахта и первый рудник
Освоили каменный берег.

Ступили на берег началом начал
Всего Салаирского края...
И зверь вымирает, и лес обнищал,
И чахнет река Толмовая.

Камыш и осока и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Хотя временами и тяжело смотреть,
Что давший начало – обязан хиреть.

* * *

Носову Владимиру А.

Здравствуй, доброе утро Барита,
Перламутровый говор берез!
Мне однажды вдыхать привелось
Этот воздух, знакомый до слез,
В суматохе капризного быта.

Там отвык от лукавых привычек
И обрел необычный обычай:
Спозаранку – в березовый лес,
Чтоб избавить пригорки окрест
От нашествия рыжих лисичек.

Ах! Какие там были грузочки –
В бахrome, как в исподней сорочке,
Ни одной червоточкины-строчки
И сомнительной крапинки нет,
Хоть бери и засаливай в бочки,
Им поклоны я бил в заморочке
И шептал восхитительный бред!

На роскошной интимной полянке
Как меня соблазняли поганки,
А в ответ получили пинка.
Не со зла я буянил, а с лиха.
Было радужно, солнечно, тихо,
Мне дорога казалась легка.

Мне легко и дышалось, и пелось,
И любилось, и мучалось вслух.
Отчего-то мне очень хотелось
Бичевать захиревшее тело
И лелеять восторженный дух!

